

Кровавое чистилище, горы белых костей, вокруг — этот малый мир был мрачным и гнетущим, окутанным густым кровавым туманом.

В самом центре чистилища располагался древний магический массив. Покрытый пятнами крови, он, тем не менее, поражал искусностью своих узоров — древних, но не утративших своего совершенства.

В центре массива на коленях стоял человек. Его некогда изысканные лазурные одежды превратились в окровавленные лохмотья. От того благородного юноши, чья внешность напоминала отполированный нефрит, не осталось и следа.

Лицо Цзян Есюэ было испачкано алой кровью, а его глаза, прежде полные глубокой нежности, сейчас напоминали мертвые деревяшки, лишённые всякого блеска.

Как давно он стал таким сломленным?

Внезапно кровавый туман стремительно сгустился, приняв облик старца с волосами цвета снега и лицом младенца.

— Цзян Есюэ, верно? Ты тоже пришел просить о жертвоприношении? Сегодня прямо-таки удачный день, неужели все вы уже успели пресытиться жизнью?

Пришелец окинул взглядом коленопреклоненную фигуру.

Цзян Есюэ слегка поднял голову, глядя на него. Его тонкие губы разомкнулись, и слова, слетевшие с них, повергли старца в шок.

— Я готов принести в жертву всё, что у меня есть, чтобы стать Хранителем пещеры Хуньтянь. В обмен я хочу вернуть одного человека.

— Парень, ты спятил! Ты хоть понимаешь, что значит быть Хранителем?

Обычно, услышав подобную просьбу, другие духи пришли бы в восторг, но, к удивлению, в голосе этого призрачного духа прозвучала нотка досады, смешанной с жалостью.

Цзян Есюэ оставался бесстрастным, словно повторял заученный урок, подобно тем бамбуковым воинам, которых он когда-то мастерил:

— Понимаю.

Этих двух слов было достаточно. Это был весь его ответ.

Зрачки призрака сузились, и с трудом подавленная ярость вспыхнула вновь.

— Понимаешь ты шиш с маслом! Даже не говоря о другом, ты должен знать, через какие муки проходит человек при закалке Черным демоном. А закалка Хранителя в десять тысяч раз страшнее! Ты, с твоим-то хрупким телом, возмнил себя невесть кем?

Сказать о десяти тысячах раз было преувеличением, но боль действительно была несопоставимо выше.

Цзян Есюэ, возможно, и не знал всех подробностей закалки Хранителя, но о закалке Черным демоном он был осведомлен до мельчайших деталей.

И все же, как бы призрак ни пытался его отговорить, Цзян Есюэ оставался непоколебим.

Он ответил неестественно спокойно:

— Раз уж я выжил после того, как Черный демон раздробил мои кости и расколол душу, почему бы мне не стать Хранителем? Предок, вы слишком упрямы. Я, Цзян Есюэ, давно уже не принадлежу к семье Юэ. Стану я Хранителем или нет — к роду Юэ это не имеет никакого отношения.

Хранитель оберегает пещеру Хуньтянь, а род Юэ ее сторожит. Эти две роли не должны совмещаться в одном лице, иначе наступит хаос. Это табу, которое нельзя нарушать.

Призрак и предки Юэ знали об этом, но с течением времени члены семьи Юэ забыли о столь важном правиле. Призрак не понимал, откуда этот человек знает так много.

Он взгляделся в глаза Цзян Есюэ с подозрением и тревогой:

— Знания о Хранителе давно утеряны в роду Юэ. Откуда тебе известно столько подробностей?

Цзян Есюэ сохранял невозмутимость:

— Я много читал, вот и узнал кое-что. Немногие совершенствующиеся способны пережить путь Хранителя, а потомки Юэ к этому особенно чувствительны — прикосновение к такой силе для них равносильно смерти. Хотя записи и были утеряны, кое-какие сведения дошли до наших дней.

Призрак прищурился:

— Цзян, раз ты так осведомлен, мне больше нечего добавить. Говори, каковы условия твоего

жертвоприношения.

Услышав согласие, Цзян Есюэ наконец позволил себе проявить эмоции. Его голос прозвучал глухо:

— Я хочу, чтобы Муронг Чуи вернулся. Чтобы он вернулся туда, где ему место.

Призрак снова прищурился, оглядывая Цзян Есюэ с ног до головы, словно обдумывая, как лучше поступить.

Спустя долгое время он произнес:

— Ты отдаешь всё, что у тебя есть. Отныне и навеки ты лишишься права на перерождение, будешь навечно заточен в одном месте в обмен на жизнь того, кто уже мертв. Ты понимаешь, что идешь против воли Небес? Понимаешь, какую цену платишь? Неужели этот человек настолько важен для тебя? Ведь он даже приносил себя в жертву, лишь бы убить тебя!

Призрак не мог этого постичь. Перед ним стоял самый талантливый из нынешнего поколения Юэ. Если бы не череда случайностей, он мог бы стать великим властелином и вознести семью Юэ на небывалую высоту.

И вот такой человек готов отказаться от всего ради другого, даже если у него почти ничего не осталось, ведь шанс на будущее еще был.

— Только отдав долг, можно обрести покой, — ответил Цзян Есюэ, и этот ответ был вполне предсказуем.

— Коли так, мне нечего тебя останавливать. Если ты действительно хочешь вырвать его из рук Владыки подземного мира, выдержи закалку Хранителя. Не выдержишь — твоя душа рассеется, а он отправится в колесо перерождения.

Призрак больше не пытался его отговорить. Он сложил пальцы в печати и начал шептать древнее заклинание.

Как только зазвучали слова, кровавый туман пришел в движение, и магический массив наполнился сиянием.

Свет окутал человека в центре, и начались пытки, от которых кости превращались в пыль, а душа трескалась. Постепенно из тумана начала сочиться кровь, расплзаясь по узорам массива.

— А-а-а!

...

Звуки из кровавого тумана сменились с глухих стонов на невыносимые крики отчаяния.

...

— Муронг Чуи, я возвращаю тебе всё: долг за наставничество, долг за обучение и всю ту боль, что ты мне причинил. С этой минуты и на веки вечные я, Цзян Есюэ, больше ничего тебе не должен.

— Ты ведь ненавидишь меня, ненавидишь этот мир? Что ж, тогда я насильно оставлю тебя в нем. Если хочешь ненавидеть — ненавидь до конца.

— Проклятие Черного демона снято. Иди и защищай тех, кого хочешь защитить, люби тех, кого хочешь любить, будь рядом с теми, кто тебе дорог. Теперь никто не станет стоять у тебя на пути.

— С этого момента все, о ком ты заботишься, все твои близкие будут рядом. Больше никто не будет тебя раздражать и вызывать ненависть.

— Ты — божество, они — свет. А я — лишь крошечная снежинка, частица пыли, которая может лишь отражать ваше сияние, принося с собой лишь холод. Чем еще я мог быть полезен?

— Разные пути ведут в разные стороны. Надеюсь, в своей дальнейшей жизни ты больше не встретишь таких, как я, и не будешь так добр к подобным мне людям. То, что ты даришь — это тепло, но для меня оно стало лишь страданием.

Благословение это или проклятие?

...

Чунхуа, поместье Юэ.

— Глава семьи! Глава семьи! Беда, случилась беда!

Слуга, еще не успев войти, уже кричал во все горло. Юэ Чэньцин, корпевший над чертежами, вздрогнул, и его мысли, которые он с таким трудом привел в порядок, снова спутались.

Юэ Чэньцин потер уставшие глаза. Пережив столько событий, он больше не был тем безрассудным и наивным юношей — в его облике все чаще проступали черты настоящего главы семьи.

Раздраженный тем, что его прервали, он рявкнул:

— Что за шум? Разве я не приказывал не беспокоить меня, когда я в мастерской?

Слуга, то ли от избытка чувств, то ли от страха перед Юэ Чэньцином, не мог вымолвить ни слова, лишь отчаянно указывая рукой на выход.

Юэ Чэньцин с досадой взмахнул рукавом и направился к выходу. Ему не терпелось узнать, кто посмел его потревожить.

Перед помещьем уже собралась толпа, а с неба густыми хлопьями падал снег.

Расталкивая людей, Юэ Чэньцин наконец пробился в центр и увидел того, кто так напугал слугу.

— Четвертый дядя? Это правда ты?

На белоснежном, чистом снегу лежал человек. Его белые одежды казались еще светлее снега, лицо — безупречным, как нефрит, а выражение — холодным и отстраненным. Это был никто иной, как Муронг Чуи, о котором он так тосковал.

— Чего стоите? Быстрее зовите лекаря!

Юэ Чэньцин поспешно подхватил бесчувственное тело, чувствуя, что все происходящее — лишь сон, и продолжал громко звать на помощь.

Никто не заметил, что неподалеку от Муронг Чуи лежал сломанный бамбуковый воин.

Спустя несколько месяцев после битвы при Чунхуа, великий мастер артефактов Муронг Чуи внезапно объявился у ворот поместья Юэ.

<http://bllate.org/book/22459/2362183>